

Праздничные фонари покачивались на ветру. В их зыбком свете красота юноши казалась еще более пленительной, а огни Юаньси ложились на лицо Цзян Мэнчжэня мягким, янтарным, точно мед, сиянием. Он подрос с их последней встречи, но остался таким же изящным и стройным. Одетый в светло-зеленые, расшитые золотом зимние одежды с узкими рукавами и бледно-сиреневый плащ, ткань которого мерцала в полумраке, он приковывал к себе все взгляды. Неудивительно, что Ци Хэли, затерянный в многотысячной толпе, мгновенно выхватил его из людского моря.

Ци Хэли заворуженно двинулся вперед. Его переполняли невысказанные слова, а чувства бушевали в груди подобно бурному горному туману. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как сквозь просветы в толпе заметил другого мужчину. Тот тоже был в плаще и держался рядом с Мэнчжэнем на удивление естественно и непринужденно. Склонив головы друг к другу, они вместе разглядывали загадку на фонаре и о чем-то вполголоса перешептывались, улыбаясь.

— Вот это да! — раздалось в толпе. — Из какой же они семьи? Разгадали почти все загадки у этой лавки, невероятно!

— Так это же знаменитый ученый — Ци Фэнцзю, Старший молодой господин Ци!

— То-то и оно! Глядите, он вот-вот выиграет хрустальный стеклянный фонарь, что висел тут главным призом несколько лет. У лавочника небось уже лоб вспотел от страха!

Оказалось, Цзян Мэнчжэнь пришел полюбоваться фонарями вместе со старшим братом. Глядя на эту безупречную пару, прохожие невольно восхищались тем, как гармонично они смотрятся вместе. Они держались ласково и открыто. Ци Хэли застыл, пронзенный горькой мыслью: все эти годы Мэнчжэнь наверняка больше не закрывал перед старшим братом двери... И теперь, когда некому было строить козни, те расшитые кошель с любовными стихами Ци Фэнцзю наконец смог вручить ему лично или прошептать эти признания на ухо.

Радость от долгожданной встречи улетучилась, будто на голову плеснули ледяной водой. Бушевавшие в груди облака чувств обратились проливным дождем, а на душе стало холоднее, чем в глубинах Пруда Застывшей Яшмы. Он ведь наивно полагал, что вырос, окреп, обучился боевым искусствам и теперь сможет открыто встать плечом к плечу с Цзян Мэнчжэнем. Но рядом с ними он вновь почувствовал себя жалким, нескладным мальчишкой, пожираемым уродливой, неизбывной завистью.

Толпа взорвалась ликующими криками — Ци Фэнцзю разгадал последнюю загадку. Под скорбным, точно на поминках, взглядом лавочника он снял висевший под крышей хрустальный стеклянный фонарь и протянул его Цзян Мэнчжэню. Под прицелом сотен глаз тот, застенчиво опустив ресницы, принял дар, что вызвало новую волну добродушного смеха и перешептываний в толпе.

Ци Хэли прекрасно знал: для такого строгого ревнителя приличий, как Цзян Мэнчжэнь, это простое подношение и его молчаливое согласие значили слишком многое. Сердце сжалось от

внезапного осознания — он вернулся слишком поздно. Три года разлуки грозили обернуться раскаянием на всю оставшуюся жизнь. В детстве, будучи глупым и несмышленным, он не понимал причин своей тоски и душевных терзаний. Теперь же пелена спала: Мэнчжэнь достанется лишь одному, и если он хочет быть этим единственным, придется драться — со старшим братом, со всем миром. Ци Хэли до боли сжал кулаки. Как же ему хотелось броситься вперед, разбить этот проклятый фонарь вдребезги, схватить Мэнчжэня и унести на край света, в глухие горы, чтобы тот до конца дней видел лишь его одного! Но разум сурово шептал: Мэнчжэнь никогда не пойдет за ним.

Эта тайная, затянувшаяся безответная любовь с самого начала была лишь его собственной ношей. Он не смел открыть душу Мэнчжэню из страха увидеть в глазах любимого то же безразличное пренебрежение, с которым на него смотрели остальные. Ему оставалось лишь молча надеяться, молча умыться слезами разочарования и так же молча уйти.

Держа в руках сияющий хрустальный стеклянный фонарь, Цзян Мэнчжэнь случайно скользнул взглядом по толпе и заметил удаляющийся силуэт. То был рослый, статный юноша, пробиравшийся против людского течения. Среди всеобщего веселья от его одинокой фигуры веяло невыразимой грустью. Мэнчжэнь почему-то засмотрелся на него. Незнакомец шел неторопливо, словно втайне ждал, что кто-то окликнет его по имени. Но вокруг гремел праздник, шумели голоса, и юноша, так ни разу и не обернувшись, окончательно затерялся вдали.

Чжухэнь примостился на краю дороги, разминая уставшие ноги. Вокруг него так и вились несколько праздных бездельников, так и норовивших завязать разговор. Крепко прижимая к себе старый лотосовый фонарик, Чжухэнь высокомерно игнорировал их ухаживания, пока те наперебой совали ему новые, искусно сделанные фонари, надеясь растопить его холодность.

— Послушай, крошка-гэер, фонарь-то у тебя совсем ветхий, такие бумажные лотосы давно никто не носит, — ухмыляясь, протянул щеголеватый молодой барин. — Ты улыбнись мне разок, а я взамен подарю тебе этот фонарь двух бессмертных Согласия и Единения. Целых два ляна серебра за него отдал, ну же?

Чжухэнь лишь презрительно фыркнул и отвернулся. Тут же с другой стороны подобрался еще один наглец:

— А мой фонарь с красавицей из Западного флигеля стоит целых пять лянов! Позволь поддержать тебя за ручку, а?

От их навязчивости Чжухэня уже тошнило. Он поднялся, намереваясь поскорее уйти, но мерзавцы не собирались его отпускать. Они обступили его, хватая за рукава и грязно бранясь за то, что он смеет воротить нос от такого щедрого предложения.

— Тварь неблагодарная! Носится с этой копеечной дешевкой как с сокровищем! — один из них

вырвал лотосовый фонарь и швырнул под ноги, собираясь растоптать.

Вне себя от злости Чжухэнь бросился на обидчика, завязалась потасовка. Куда там слабому гэеру против банды заводил — его быстро повалили на землю. Мерзавцы переглянулись, похабно ухмыляясь, и принялись обсуждать, как потихоньку оттащить его в темный переулок.

Дрожа от ужаса, Чжухэнь истошно закричал, взывая о помощи, но праздные прохожие лишь испуганно отводили глаза, не желая связываться с уличной швалью. В полной безнадежности он вдруг заметил проходящего мимо Ци Хэли, чей взгляд был безучастно устремлен вперед.

— Второй молодой господин!.. Мин-гэер, спаси меня! — из последних сил закричал Чжухэнь.

Ци Хэли замер. Он медленно повернулся, окинув ледяным взглядом обнаглевшую свору, а затем перевел взгляд на заплаканного Чжухэня и смятый бумажный лотос в грязи.

— Вали отсюда, если жить охота! — огрызнулся один из заводил. Под тяжелым взглядом незнакомца его обдало могильным холодом, но, вовремя вспомнив, что их больше, он вновь осмелел. Чего им бояться одного юнца?

— Не смей соваться под руку, щенки! У самого молоко на губах не обсохло, а туда же — в герои выискался? Ты в зеркало-то на себя смотрел? Рожей не вышел соваться, не твоего ума дело!

Слова о том, «достойн» ли он, «ровня» ли, точно раскаленная игла вонзились в грудь Ци Хэли, подняв со дна души удушающую горечь. Больше всего на свете он ненавидел подобные расспросы. С самого рождения госпожа Ци и наложница Чжоу неустанно вбивали ему в голову, твердя, что он «не достоин». Встретив Цзян Мэнчжэня, он сам раз за разом задавался этим вопросом — вплоть до сегодняшней ночи, когда воочию убедился в собственном ничтожестве перед безупречным величием старшего брата.

Юноша, только что неподвижно стоявший в стороне, хищником сорвался с места. Без лишних криков и витиеватых стоек он обрушился на обидчиков подобно молодому леопарду. Его удары казались простыми и неторопливыми, но уклониться от них было невозможно. В абсолютном молчании Ци Хэли планомерно калечил нападавших, вкладывая в каждый выпад глухую, яростную силу. В тишине улицы раздавался лишь глухой, пугающий хруст ломающихся костей.

Спустя мгновение хвастливые негодяи с воплями повалились в грязь. Ци Хэли наступил тяжелым сапогом на грудь зачинщика и, глядя на него сверху вниз остекленевшим взглядом, тихо спросил:

— Ну как? Теперь достоин?

— Пощади, пощади, почтенный воин! — взмолился тот, сплевывая на мостовую кровь. — Слепец, не признал мастера! Сжался!

Ци Хэли даже не моргнул. Носок сапога глубже вдавился в ребра несчастного.

— Спрашиваю еще раз: достоин?

— Достоин! Еще как достоин! Пожалуйста, умоляю, уберите ногу... Ай! Да вы достойны быть господином всех моих предков до восьмого колена!

— Что, испугались, паршивцы? — Чжухэнь поднялся, отряхивая испачканный подол, аккуратно подобрал помятый лотос и со всей силы пнул стонущего под ногами заводилу. — Будете знать, как ко мне лезть!

— Не будем... клянемся, больше никогда... — простонал тот. — Только утихомирьте своего суженого, он же калекой меня оставит...

— Что за чушь ты несешь?! — вспыхнул Чжухэнь.

Густо покраснев, Чжухэнь украдкой покосился на своего спасителя. Но Ци Хэли, не замечая его смущения, хмуро разглядывал изломанный каркас бумажного цветка.

— Он же безнадежно испорчен, — негромко произнес он. — К чему хранить хлам?

— Не могу выбросить, — замялся Чжухэнь, бережно прижимая лотос к груди. — Жалко... Пусть останется на память.

"Прямо как мои чувства к Мэнчжэню, — горько усмехнулся про себя Ци Хэли. — Такие же растоптанные, лишённые будущего, но выбросить их из сердца не хватает сил. Пусть хотя бы память греет душу."

Юноша глубоко вздохнул и развернулся, собираясь уходить.

— Постой! — окликнул его Чжухэнь. — Ты разве не проводишь меня до дома?

— Идем, — глухо отозвался Ци Хэли после недолгого молчания.

С трудом скрывая ликование, Чжухэнь пошел следом. Под бледным сиянием луны и светом тысяч праздничных огней двое юношей брели бок о бок, погруженные в свои мысли. Один сиял от безмолвного счастья, другого душила тоска, и величавое, пестрое великолепие столичной ночи Юаньси проплывало мимо них совершенно незамеченным.

— Опять ты сидишь над этим несчастным фонариком, — улыбнулась девица Биянь. Поправив одеяло уснувшему Цзян Мэнчжэню, она легонько щелкнула Чжухэня по лбу. — Дрожал над ним, пылинки сдувал, даже прикоснуться никому не давал. Как же ты умудрился его сломать?

Чжухэнь застенчиво отвернулся, пропустив колкость мимо ушей, но переполнявшие его эмоции требовали выхода. Не выдержав, он зашептал:

— Сестрица Биянь, ты даже не представляешь... Мин-гэер вернулся!

— Да ну? Откуда такие вести? От него ведь столько времени не было ни слуху ни духу. Не путаешь ничего?

— Собственными глазами видел! — с гордостью заявил Чжухэнь. — Мы с ним вместе прогуливались по Улице Алого Феникса!

— Вот как? Значит, едва вернувшись в столицу, он сразу побежал к тебе? — лениво отозвалась Биянь. — Надо же, какие вы дружные.

— Мы... ну... — Чжухэнь смущенно прикусил нижнюю губу и едва слышно пробормотал: — Мы и правда очень близки...

Не дождавшись ответа, он повернулся и увидел, что Биянь давно уже тихонько посапывает, завернувшись в одеяло.

На следующий день весть о возвращении Ци Хэли долетела и до Цзян Мэнчжэня. Тот терпеливо ждал визита несколько дней, однако кузен так и не появился. Мэнчжэнь невольно озадачился и поделился сомнениями со служанкой:

— Что случилось с Мин-гэером? Неужели за время разлуки он совсем отвык от меня и стал чужим?

— Да мало ли забот у молодого барина с дороги? — успокоила его Биянь. — Если хотите его видеть, я велю Чжухэню сходить и пригласить его.

Чжухэнь, искавший любой повод вновь встретиться с Ци Хэли, так и сиял. Едва дослушав наказ, он сорвался с места:

— Я мигом! Только туда и обратно!

Когда Ци Хэли переступил порог Павильона Слушания Дождя, Цзян Мэнчжэнь сидел у окна с белым нефритовым гребнем в руках, неторопливо вычесывая пушистую шерстку котенка по кличке Облачко.

— Брат Мэнчжэнь, я вернулся, — раздался тихий, вкрадчивый голос со стороны двери.

Мэнчжэнь вскинул голову и замер от удивления. Перед ним стоял высокий, плечистый юноша с точеным, суровым лицом. В его осанке и холодном взгляде не осталось и следа от того круглолицего мальчишки, каким он его помнил. Мэнчжэнь растерянно моргнул, силясь разглядеть знакомые черты.

— Это... Мин-гэер? Неужели ты?

Маленький Облачко соскользнул с колен хозяина, выгнул спину дугой и сердито зашипел на гостя. Даже спасенный им когда-то котенок больше не признавал прежнего благодетеля.

— Батюшки мои, неужто и правда второй молодой господин? — Биянь, вошедшая с подносом в комнату, едва не выронила пиалы с чаем. Окинув юношу изумленным взглядом, она всплеснула руками: — Ну и статный же вырос барин, прямо не узнать!

— Это я, сестрица Биянь, — мягко улыбнулся Ци Хэли, усаживаясь за стол. — Как вы поживали все это время? Все ли у вас ладно?

— Да что нам сделается, живем потихоньку. А вот вы какими судьбами? Наверно, на чужбине-то несладко приходилось, тренировки изнуряли?

Тяжело ли было? Гонять себя до седьмого пота в лютые зимние морозы и изнывать от зноя под палящим летним солнцем, коротая безмолвные дни в полном одиночестве — конечно, несладко. Но стоило ему вспомнить лицо Мэнчжэня, как вся усталость мгновенно отступала.

— Вовсе нет. Когда на сердце тепло от мыслей о близком человеке, любые невзгоды нипочем.

Биянь сокрушенно покачала головой:

— Ох, наговариваете вы, только пуще жалость нагоняете. Наверное, иссохли все по родному дому?

— Бывало и такое, — уклончиво обронил Ци Хэли. Чтобы скрыть волнение, он сделал небольшой глоток из пиалы и спросил, стараясь казаться безмятежным: — Брат Мэнчжэнь, мы не виделись три года. Скажи... ты скучал по мне?

"Я тосковал по тебе каждый божий день. Думал ли ты обо мне хотя бы мгновение? Скользнула ли в твоих мыслях тень моего имени?"

Цзян Мэнчжэнь растерянно приоткрыл губы, но, натолкнувшись на пристальный, горячий взгляд повзрослевшего кузена, так и не смог выдавить из себя простое признание. Внутреннее

смятение нарастало, заставляя его сильнее сжать пальцами костяной гребень.

— Ты очень изменился, второй молодой господин... возмужал, — отвел глаза Мэнчжэнь. — Больше нет нужды общаться как в детстве. Пожалуй, впредь тебе лучше звать меня просто кузеном.

У Ци Хэли перехватило дыхание. Он понимал, что бывшего доверия не вернуть в одночасье, но даже в самых худших опасениях не мог представить, что при первой же встрече его так безжалостно лишат права на прежнюю душевную близость.

<http://bllate.org/book/19598/2002410>